

Г. Г. Ильина (Чебоксары)

**К вопросу о типологизации семантической деривации названий
демонических персонажей чувашского фольклора
(на примере демононима *Шуйттан* 'Дьявол')**

В последнее время в лингвистической литературе появляются работы, посвященные проблеме семантической деривации лексем. В этой связи нужно отметить прежде всего работы ученого-лингвиста В. И. Сер-

геева: “Развитие лексической семантики чувашского языка” (Чебоксары, 1991); “Семантическая структура многозначного слова” (Чебоксары, 1999); “Хальхи чăваш литература чĕлхи: Лексика тата лексикологи. Семантика тата семасиологи” (Шупашкар, 2000) и др., в которых автор на конкретных примерах показывает случаи семантической деривации. Предметом рассмотрения в настоящей работе служат примеры семантической деривации названий демонических персонажей.

1.0.0. Демоним *Шуйттан* в разговорной речи чувашей часто выступает как бранное слово. Семантический переход название злого духа → ругательное междометие осуществляется почти регулярно. Такое явление встречается и в других языках. В чувашском нами выявлены такие бранные выражения как: *шуйттан пуçĕ* – букв. ‘чертова голова’; *шуйттан йытти* – букв. ‘чертова собака’; *шуйттан ачи* – букв. ‘чертов ребенок’; *шуйттан çапати* – букв. ‘чертова лапоть’; *шуйттан сурп/чĕпни* – букв. ‘чертов детеныш’; *шуйттан кипенки*, *шуйттан карçăкки* – букв. ‘чертова жена/старуха’; *шуйттан пукенки* – букв. ‘чертов ягненок’ и др. В словаре Н. И. Ашмарина приведено следующее бранное слово: *шуйттан кĕвенти* – букв. ‘чертово коромысло’: *Вăрăм çынна çиленнĕ чухне шуйттан кĕвенти тесе вăрçаççĕ* ‘Высокого человека в ярости обзывают *шуйттан кĕвенти*’ – букв. ‘чертовым коромыслом’ (Ашм. Сл., т.17: 213).

2.0.1. Демоним *Шуйттан* может выступать как компонент фамилий, прозвищ человека. В Словаре Н. И. Ашмарина без всяких комментариев дано прозвище мужчины *Шуйттан Микити* (Ашм. Сл., т. 17: 213).

2.0.2. Демоним *Шуйттан* может выступать как компонент топонимических названий:

а) названий полей: *Аслă Шуйттан*, *Кĕçĕн Шуйттан*: *Унта пĕр çын уксе пăсăлнă тет, çавăнна çапла ят хунă, тет; тата вăл вырăнсем пит тикĕс мар, тырă начар пулат, çавăнна та калаççĕ*. ‘Большой Шайтан и Малый Шайтан. Говорят, что там однажды упал и заболел (букв.: если человек упадет и испугается, то его поражает порча) какой-то человек, поэтому эти места и получили такие наименования. Кроме того, там местность очень неровная и неплодородная, что тоже послужило этому наименованию’ (Ашм. Сл., т. 17: 214);

б) названий местности: 1) *Шуйттан вар/Шуйттан варĕ* название почти безводного оврага около деревни Хир боси в Ядринском районе (Ашм. Сл., т. 17: 212); 2) *Шуйттан пуçĕн* название оврага около села Кошек Н. Тимбаевой (Ашм. Сл., т. 17: 213); *Шуйттан вылянă сырма*. Название оврага в лесу около Б. Маклашкина (Мар.–Посад. р.) (Ашм. Сл., т. 17: 213);

в) названий деревень: *Шуйттан касси Йалтра* название деревни (Ашм. Сл., т. 17: 213).

2.0.3. Демононим *Шуйттан* может выступать как атрибутивный компонент названий некоторых насекомых:

а) *шуйттан лаши* ‘черное водяное насекомое’ (Ашм. Сл., т. 17: 213);

б) *шуйттан кёвенти* ‘майский жук’ (Ашм. Сл., т. 17: 212);

в) *шуйттан мййраки* ‘улитка’ (Ашм. Сл., т. 17: 213);

г) *шуйттан хуранё* ‘улитка’ (Ашм. Сл., т. 17: 212). Здесь, видимо, нужно сделать оговорку: атрибутивные синтагмы *шуйттан мййраки* и *шуйттан хуранё* скорее всего относятся не к самим животным, а их раковинам-створкам (ср. *шапа хуранё* ‘раковина, моллюска перловки’, букв. ‘лягушачий котёл’).

2.0.4. Демононим *Шуйттан* может выступать как компонент названий ряда растений:

а) названий гриба: *шуйттан кямпи*. Гриб бывает до 1,2 аршин высоты (Ашм. Сл., т. 17: 213);

б) названий травы: *шуйттан хупаххи*. В Словаре Н. И. Ашмарина даются разные переводы этой атрибутивной синтагмы: 1) ‘лопушник’; 2) ‘водяной лопух’; 3) ‘папоротник’; 4) ‘мать-и-мачеха’ (Ашм. Сл., т. 17: 213).

2.0.5. Демононим *Шуйттан* может выступать как компонент названий обряда: *Шуйттан эрни* ‘святки, чертова неделя’ [Ашм. Сл., т. 17: 213; Магницкий 1881: 100]. В работе Г. Т. Тимофеева данный обряд назван *шуйттан вййи*. В период зимнего солнцестояния древними чувашами проводился обряд, близкий к русским святкам. В основе этого обряда было ряжение людей в различные ипостаси злых духов. Ряженные, входя в избу, плясали под шумовое сопровождение: били в заслонку, сковороду, руками, ногами выводили плясовой ритм *шанёр тйкки*. По мнению Г. Т. Тимофеева, новогодние святки были заимствованы от русских [Тимофеев 1972: 215; Родионов 1990: 43]. По данным словаря Н. И. Ашмарина, выражение *цветкйлла выля* имеет следующее объяснение – ‘наряжаться на святках’. (Это слово на языке “благообразных” стариков и старух означало ‘безобразничать, совершать бесовские поступки, грешить, угождать дьяволу’) (Ашм. Сл., т. 13: 114). В народной традиции мотив переодевания имеет мифологическое значение. Не случайно участники этого обряда переодевали одежду наизнанку, мазали лицо сажей (черный цвет – цвет злых духов!), т. е. буквально были неузнаваемы шайтанами и по окончании *шуйттан эрни* купались в бане и даже в проруби.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ашм. Сл. – *Ашмарин Н. И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Изд-во “Руссика”, 1994.